

■ фестиваль

барахтаясь в волнах божественной любви

в Риге открылся VIII Оперный фестиваль

Фотограф: Aivars Liepins

ГЮЛЯРА САДЫХ-ЗАДЕ РИГА

Veni, creator spiritus — словами старинного церковного гимна началась Восьмая симфония Малера. Исполнение «Симфонии тысячи участников» положило начало очередному Оперному фестивалю в Риге.

Воплотить грандиозную партитуру Малера, идущую более полутора часов и рассчитанную на три хора, восемь солистов и огромный состав оркестра в 170 человек, доверили молодому, но весьма перспективному дирижеру Андрису Нелсонсу,

с 2003 года занимающему пост главного дирижера Оперы. Выпускник Латвийской академии музыки, Андрис успел поучиться и в Петербургской консерватории, позаниматься на мастер-классах дирижеров Неэме Ярви и Йормы Панула. Марис Янсонс,

который к преподаванию не особо склонен, разрешил Нелсонсу именоваться своим учеником.

Решиться исполнить сложнейшую партитуру, требующую ювелирной точности в сведении многоголосового хора и вокалистов, а также мастерского владения оркестровым балансом звука, — это всегда серьезное свершение, даже для очень опытного музыканта. Обычно к Восьмой симфонии дирижеры подступаются, лишь переиграв все остальные: ее смысл, ее космогония откры-

ваются лишь зрелому уму и зрелому чувству. Зимой ее исполнил с оркестром и хором Мариинского театра Валерий Гергиев, замечательный интерпретатор Малера, — и нельзя сказать, чтобы преуспел. Нелсонс же к своим двадцати шести годам сыграл едва ли две симфонии Малера. Взяться за Восьмую с его стороны было верхом дерзости и самоуверенности.

Результат не то чтобы откровенно плох — но и нельзя утверждать, что Нелсонс проник в фи-

лософские глубины симфонии. Пышная, торжественная, масштабная фреска — ни дать ни взять барочное полотно с кучевыми плотными облаками, «Триумф Бога Вседержителя», с барочными же аллюзиями и явными отсылками к «Страстям» Баха — в трактовке Нелсонса в основном сложилась. Слышались и чувствовались радость и свет, доходящие до экстатического ликования. Однако симфония как целое создавалась Нелсонсом исключительно под напором пыла и жара нерастрченных эмоций. Получалось довольно увлекательно — главным образом за счет интенсивного звучания и быстрых темпов, — но как-то слишком уж эффектно и поверхностно. Похоже, религиозный трепет, испытанный Малером во время написания симфонии, так и не посетил дирижера.

Вторая часть симфонии, основанная на финале второй части «Фауста» Гете, выстроена Малером в более драматичном, повествовательном плане. Это время солистов, время энергически насыщенных вокальных эпизодов. Особенно хороши были в сольных фрагментах мужчины. Сумели блеснуть яркими тембрами и профессиональным исполнением немецкие певцы — драматический тенор Стефан Винке и баритон Александр Марко-Бурмейстер; чуть ниже по уровню оказался бас Андреас Маско. И уж совсем опустили планку певицы: Сигуте Стоните скорее кричала, чем пела. Голос литовской певицы Ирены Милюквичуте не был слышен вовсе, и лишь меццо Инессы Линабургите прозвучало округло и веско. Сильное сопрано Диты Калныня, возникшее в финале как голос ангела с небес (певица сидела в нише третьего яруса), удачно дополнило звуковую палитру симфонии.

Nelsons dirigiere (gymnast)

10.06.05